

Ольга Деханова

**Отражение ольфакторной культуры XIX века
в произведениях Ф.М. Достоевского. Запах города
на примере романа «Преступление и наказание»**

Olga Dekhanova

**The Reflection of XIX Century Olfactory Culture
in the Works of F.M. Dostoevsky. The Smell of the City
on the Example of the Novel *Crime and Punishment***

Об авторе: Ольга Алексеевна Деханова, кандидат фармацевтических наук (Москва).

E-mail: Dh369@yandex.ru

Аннотация: Статья посвящена исследованию запаха города в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание».

Обоняние, также как зрение или слух, способно передавать значительный объем информации. Будучи одновременно и биологическим процессом, и культурно-историческим феноменом, запахи отражают не только непосредственные обонятельные ощущения и повседневную реальность, но вызывают ряд культурных ассоциаций и эмоциональных образов. Исторические смыслы запахов, специфичные для той или иной культуры, закрепляются в общественном сознании как оценочные категории для определения самого широкого круга понятий: «хорошо – плохо», «полезно – вредно», «свой – чужой», и прочее. Это свойство запахов позволяет им быть важным элементом социальных отношений и выполнять коммуникативные функции.

Коммуникативные свойства запахов используются в художественной литературе для исторической и географической идентификации места событий, для характеристики персонажей, для создания необходимой атмосферы, для выражения авторской позиции по тому или иному вопросу.

Для исследования функций запаха в творчестве Ф.М. Достоевского немаловажное значение имеет процесс медиализации, совершившийся в русской городской культуре во второй половине XIX века. Популяризация научных открытий и распространение медицинских рекомендаций определили ряд важных критериев оценки качества жизни и сформировали санитарно-гигиенические нормы общественной жизни. Формирование бытовых стандартов

привело к изменению социального смысла запахов. Это нашло свое отражение в творчестве как Ф.М. Достоевского, так и его современников.

В настоящей статье прослежено, как повседневные запахи, свойственные определенной социальной среде, экстраполируются с физического уровня на духовный.

Ключевые слова: Достоевский, запахи города, городская культура, ольфакторная культура, «Преступление и наказание».

Для цитирования: Деханова О.А. Отражение ольфакторной культуры XIX века в произведениях Ф.М. Достоевского. Запах города на примере романа «Преступление и наказание» // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2020. № 3(11). С. 68-90.

<https://doi.org/10.22455/2619-0311-2020-3-68-90>

About the author: Olga A. Dekhanova, Doctor of Pharmaceutical Sciences (Moscow).

E-mail: Dh369@yandex.ru

Abstract: The article is dedicated to the study of the smells of the city in the novel *Crime and Punishment*. The sense of smell, as well as vision or hearing, can transmit a significant amount of information. Being both a biological process and a cultural-historical phenomenon, smells reflect not only the immediate olfactory sensations and everyday reality, but also cause a number of cultural associations and emotional images. The historical meanings of smells that are specific to a particular culture are fixed in the public consciousness as evaluative categories for defining the widest range of concepts: “good – bad”, “useful – harmful”, “your own – stranger”, and so on. This property allows odors to be an important element of social relations and perform communicative functions. The communicative properties of smells are used in fiction for historical and geographical identification of the place of events, for characterization of characters, for creating the necessary atmosphere, for expressing the author’s position on a particular issue. To study the functions of smell in the works of F.M. Dostoevsky, the process of medicalization that took place in Russian urban culture in the second half of the XIX century is of no small importance. Popularization of scientific discoveries and dissemination of medical recommendations determined a number of important criteria for assessing the quality of life and formed the sanitary and hygienic standards for everyday life. The formation of household standards has led to a change in the social meaning of smells. This is reflected in the works of both F.M. Dostoevsky and his contemporaries. The article traces how everyday smells inherent in a particular social environment are extrapolated from the physical to the spiritual level.

Key words: Dostoevsky, smells of the city, urban culture, olfactory culture, *Crime and Punishment*.

For citation: Dekhanova O.A. The Reflection of XIX Century Olfactory Culture in the Works of F.M. Dostoevsky. The Smell of the City on the Example of the Novel *Crime and Punishment*. *Dostoevsky and World Culture, Philological journal*, 2020, No. 3(11), pp. 68-90.

<https://doi.org/10.22455/2619-0311-2020-3-68-90>

Ольфакторная культура – это одна из форм личностного образования, характеризующегося «уровнем развития способностей к постижению, интерпретации и обогащению окружающей среды посредством запахов, степенью восприятия и использования их как способа познания себя и мира» [Ахьямова, 2011, с. 5].

Вопросы постижения смысла запахов волновали широкий круг исследователей со времен Античности. В дошедших до нас трудах отражены всевозможные аспекты исследований запаха как с гуманитарных, так и с естественно-научных позиций: растительные запахи как культовые благовония и целебные средства, исследования основных принципов механизма обоняния, первые попытки систематизации и классификации запахов [Гулимова, 2010; Детьен, 2010; Пироговская, 2013]. Но революционный прорыв в этой области начался в конце XVII–XVIII веках в Европе благодаря стремительному развитию самых разнообразных отраслей знания и, прежде всего, медицины, анатомии, физиологии, ботаники.

Первой и уникальной в своем роде фундаментальной работой, объединившей двухсотлетний исторический опыт западноевропейской обонятельной культуры, стала, опубликованная в 1982 году, книга французского историка А. Корбена «Миазм и нарцисс: обоняние и социальное воображение в XVIII–XIX веках» [Corbin, 1982].

На обширном историческом материале прослежена связь представлений о запахах с естественно-научными и медицинскими концепциями, очерчена новая область антропологического интереса – культурная антропология чувств, которая описывает чувственное восприятие как исторически изменчивый и специфичный для той или иной культуры способ постижения мира, что позволяет рассматривать область обонятельных впечатлений как средство коммуникации.

Уникальность запаха состоит в том, что это не только биологический процесс, но и социально-культурный феномен, способный создавать неоформленные словесно визуально-эмоциональные образы, основанные на коллективно-переживаемом опыте. «Запахи наделены культуросоответствующими значениями и участвуют в общественной жизни, облегчая процесс идентификации мира и взаимодействия с ним» [Ахьямова, 2011, с. 5]. Будь то культура повседневности, практические навыки в самых разных областях деятельности человека, активно обсуждаемые научные дискурсы и прочее.

Несмотря на активный интерес западных ученых к этой теме, российские исследования о социальной роли чувств в русской культуре немногочисленны. Еще меньше работ по запахам в русской литературе XIX века¹. Не потому, что их там нет, а потому, что систематический анализ по этой теме не проводился.

Поводом для настоящего исследования стала статья А.Н. Неминущего «Воздуху пропустить свежего!». Рассматривая контрастную смысловую доминанту: «спертый, несвежий воздух, как вместилище скверных запахов в закрытом пространстве – свежий (чистый, холодный) воздух, как транслятор благоухающих ароматов открытого пространства», актуальную для «художественного мира всех романов, входящих в «пятикнижие», автор констатирует, что «ни в одном из пяти романов, за очень редкими исключениями, невозможно обнаружить упоминания о запахах, каким-либо образом связанных с социальным статусом персонажа» и что «в художественном мире «пятикнижия» Достоевского нет запахов и ароматов в их эмпирическом понимании, но есть

¹ Среди крупных западноевропейских исследований следует, прежде всего, упомянуть такие работы как приведенную уже монографию А. Корбена, а также, например, исследование «Аромат: культурная история запаха» о взаимодействии запаха с культурно-историческим контекстом от Античности до современности, о роли запаха в формировании оценочных суждений в конфликтных ситуациях между людьми различных полов, а также различных социальных и этнических принадлежностей [Classen, Howes, Synnott., 1994], книгу «Извращенный Запад – варварская Россия. Контакты 16 и 17 вв. в тени культурных разногласий» Габриэлы Шайдеггер, в которой на огромнейшем архивном материале рассматривается проблема ольфакторного символизма в образе «другого», составляющая одну из причин культурных недопониманий. [Scheidegger., 1993]; книгу Ханса Риндисбахера «Запах книг: культурно-историческое исследование обонятельного восприятия в литературе», в которой для романа «Преступление и наказание» выявляется всеобъемлющая обонятельно-атмосферная арка, охватывающая город и роман [Rindisbacher, 1992], сборник «Ароматы и запахи в культуре», включающий ряд интереснейших статей о роли запаха в истории европейской и русской культуры. Среди них, например, статьи А. Левинсона о социологии запаха в современном обществе [Левинсон, 2010а], [Левинсон, 2010б] и в российском обществе 1917–1930-х годов [Жирицкая, 2010], исследование А. Строева о запахе как маркере «своего» и «чужого», о географии запахов в русской литературе по материалам путевых заметок, писем, мемуаров [Строев, 2010], фольклорно-этнологическое исследование Г.И. Кабаковой о семантике запахов [Кабакова, 2010], статья К.А. Богданова о русской литературной традиции описания «запаха смерти» [Богданов, 2010], статья Д. Захарьина о коммуникативных свойствах запаха в историческом контексте [Захарьин, 2010]. Несомненный интерес представляют ряд статей М.М. Пироговской [Пироговская, 2013; Пироговская, 2015] и ее диссертационная работа на тему «Ольфакторный код и воспитание чувствительности в русской городской культуре 1860–1910-х годов», [Пироговская, 2016]. Кроме того, нельзя не упомянуть диссертационную работу Н.Л. Зыховской «Ольфакторий русской прозы XIX века», одна из глав которой посвящена творчеству Ф.М. Достоевского [Зыховская, 2016].

достаточно четко структурированная ольфакторная модель, наделенная метафорическими, либо символическими значениями» [Неминуций, 2006, с. 228-229].

Это заключение автора показалось мне излишне категоричным.

Автор всегда говорит с читателем на языке своей эпохи, используя всевозможные реалии вещного мира, вызывающие в сознании читателя определенный ассоциативный ряд. Прикладные аспекты механизма преобразования бытовой реалии в художественный предмет были в свое время подробно исследованы А.П. Чудаковым [Чудаков, 1992]. Все то же самое применимо и к запахам, как к неотъемлемому атрибуту любой культурно-исторической эпохи. Точно так же как и элементы вещного мира, как звуки, жесты или изображения, запахи обладают коммуникативными свойствами.

В работе А.Г. Левинсона, известного российского специалиста в области социологии чувств, есть очень интересное разделение запахов на «большие» и «малые». «Малые» запахи отражают индивидуальные особенности человека, его сугубо личное восприятие, они обслуживают ближнюю зону взаимодействия. «Большие» запахи – запахи среды, «коллективно переживаемые, значимые для больших масс людей» [Левинсон, 2010а, с. 56]. Это могут быть, например, запах сена, моря, соснового леса, города, скотного двора, помойки и прочее. Это запахи, названные по объекту, который их порождает или о котором они сообщают. «В силу простоты, определенности и общепризнанности именно эти запахи служат в литературе (и жизни!) средствами, во-первых, показать место и время действия, а во-вторых, социально привязать героя» [Левинсон, 2010а, с. 57]. Автор, обращаясь к читателю, для обозначения некоторых важных обстоятельств, использует понятия, отсылающие к обонятельным впечатлениям. «Запах и шире – дух, выступают в этом случае как примеры или метафоры согласия по некоторым общим смысловым определениям ситуации или объекта» [Левинсон, 2010а, с. 61].

Для наглядности рассмотрим роль и значение повседневных запахов, специфичных для городской культуры XIX века, на примере романа Достоевского «Преступление и наказание». Выбор именно этого романа неслучаен, это самый «физиологический» роман Ф.М. Достоевского. В нем отражены практически все современные Ф.М. Достоевскому важные научные открытия и естественно-научные концепции, научная полемика по самому

широкому кругу вопросов². Этот культурно-исторический контекст, безусловно, важен для понимания не только социального смысла запахов во второй половине XIX века, но и роли запахов в сюжетном пространстве романа.

Прежде всего, из общей гаммы упоминаемых в романе запахов города следует выделить те, что имеют непосредственное отношение к развитию сюжета, создают необходимую автору эмоциональную атмосферу событий, являются важной характеристикой персонажей. Кроме того, необходимо определить, насколько устойчивым был социальный смысл того или иного запаха в восприятии Ф.М. Достоевского и его современников. Это можно проследить, обращаясь к разного рода публицистическим источникам, очеркам, художественным произведениям в период с 40-х до начала 80-х годов XIX века.

Запах города, запах Петербурга, связан у Достоевского, прежде всего, с понятием «духота».

В русском языке «дух» используется одновременно и в значении «душа», и в значении «запах», «вонь»; «духота» – «спертый, душный воздух, наполненный удушливыми испарениями», «жаркий, тяжелый воздух, знойная пора»; «душный» (о воздухе, запахе) – густой, спертый, нечистый или вонючий, знойный, удушающий, тяжелый для дыханья» [Даль, 1955, с. 503-505].

Таким образом понятие «духота» обладает и ольфакторными (всегда отрицательными!) характеристиками и служит показателем качества воздуха, т. е. пригодностью его для нормального дыхания.

Проблема качества воздуха в русской городской культуре оказалась в центре общественного внимания во второй половине XIX века, когда популяризация медицины привела к принципиальному изменению отношения к социальному смыслу запахов.

Причиной этой «культурной революции» была миазматическая теория патогенеза, созданная в измученной эпидемиями Европе в середине XVIII столетия. Согласно этой теории возникновение самых

² Если упоминать только прямые указания в тексте романа на названия изданий и авторов, то уже получается достаточно солидный для художественного произведения список. Прежде всего, это книга Генри Льюиса «Физиология обыденной жизни» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 16], сборник переводных естественно-научных статей «Общий вывод положительного метода», в содержании которого упоминаются статьи «Пидерита (а впрочем, тоже и Вагнера)» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 307], путевые записки Ливингстона [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 408], полемика о женском медицинском образовании [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 408], учение о трихинах Рудольфа Вирхова [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 419].

различных болезней связывалось с действием миазмов – дурных запахов, вызванных брожением, разложением и иной порчей воздуха. Все, что дурно пахнет, представляло потенциальную опасность для здоровья и жизни. Эта теория сохраняла свою актуальность в научных мировоззрениях более ста лет вплоть до открытий Л. Пастера и Р. Коха в 80–90 годах XIX века.

О миазматической опасности воздуха как причине всяких болезней упоминает Д.В. Григорович в повести «Свистулькин» (1855): «– Причины? – Воздух! Очень натурально, <...> Другие приписывают это поветрию – вздор, чепуха! Воздух – воздух, и больше ничего! <...> нынешнюю осень постоянно дует северо-восточный ветер... так или нет? Хорошо! Ветер этот – я знаю это из верных источников – пропитан, так сказать, зловредными миазмами... очень хорошо; вы понимаете, следовательно, – все это действует на дыхательные органы» [Григорович, 2014, с. 61]

Общественные опасения заразных миазмов петербургского воздуха прочитываются и в письме Ф.М. Достоевского к А.В. Корвин-Круковской в апреле 1866 года: «Правда, грустный, гадкий и зловонный Петербург, летом, идет к моему настроению и мог бы даже мне дать несколько ложного вдохновения для романа; но уж слишком тяжело» [Достоевский, 1972–1990, т. 28₂, с. 158], и в романе, о котором идет речь в письме: «Духота стояла прежняя; но с жадностью дохнул он этого вонючего, пыльного, зараженного городом воздуха» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 120], и в романе «Униженные и оскорбленные»: «Мы все знали только до сих пор другие ее воспоминания – в мрачном, угрюмом городе, с давящей, одуряющей атмосферой, с зараженным воздухом» [Достоевский, 1972–1990, т. 3, с. 432], и в публицистических заметках: «война из-за великодушной цели, из-за освобождения угнетенных, ради бескорыстной и святой идеи, – такая война лишь очищает зараженный воздух от скопившихся миазмов» [Достоевский, 1972–1990, т. 25, с. 102], «грипп и горячка – почти современный петербургский вопрос» [Достоевский, 1972–1990, т. 18, с. 16].

Миазматическая теория легла в основу санитарно-гигиенических стандартов, распространявшихся массовой печатью в 60-х годах XIX века. И качество воздуха было приоритетным вопросом этих стандартов.

Впервые это понятие, привязанное к содержанию углекислоты в воздухе на кубометр или кубическую сажень пространства, было

описано в 1786 году А.-Л. Лавуазье. А в 40-х годах XIX века французские гигиенисты установили, что для поддержания нормальной жизнедеятельности человеку необходимо от 6 до 10 кубометров воздуха в час [Пироговская, 2015а, с. 147]. Актуальная научная информация распространялась в самых разных популярных изданиях. Так, например, исследования качества и состава воздуха, а также приведенные выше нормы его потребления были пересказаны В.Ф. Одоевским в «Лекциях господина Пуфа», публиковавшихся в 1840-х годах в «Записках для хозяев» – приложении к «Литературной газете»: доктор Пуф обращается к Василисе Трофимовне: «Вот ты лет тридцать за большим ходишь; разве ты не слыхала, доктора то и дело говорят: свежий воздух! свежий воздух! <...> Важное дело свежий воздух да чистота – без них никакое лекарство не поможет <...> что такое воздух? из чего он состоит? почему в чистом воздухе человек здоров? отчего в спертом воздухе болит голова, делается дурно? отчего затворники чахнут, изнемогают, даже умирают?»

Гастрономия давно уже и разом отвечала на все эти вопросы: без чистого воздуха нет аппетита! <...> Закуска, называемая воздухом, составлена из двух невидимых соусов: кислорода и азота, и так, что на каждые 100 частей воздуха непременно 21 часть кислорода и 79 – азота, ни больше ни меньше <...> К этому снадобью эта славная кухарка прибавляет немножко угольной кислоты, как будто щепотку соли.

И всем по вкусу это блюдо! Хотите ли знать, сколько мы его съедаем в продолжении дня? До девяти кубических аршин! Химики сосчитали это, смерив, сколько воздуха нужно для каждого глотка или каждого вздоха. Девять кубических аршин! шутка! Да заметьте: чистого воздуха, ибо тот, который мы выдыхаем, никуда не годится; в нем совсем другая пропорция: кислорода убавилось, а прибавилось угольной кислоты, то есть почти того, что выходит из печки, когда люди угорают, то есть совершенного яда.

Высчитано, что для того, дабы люди дышали здорово, необходимо на каждого человека в комнате столько чистого воздуха, сколько каждый должен его проглотить в течение дня, то есть до девяти кубических аршин; следовательно, на 10 человек 90 кубических аршин воздуха!» [Одоевский, 2007, с. 346-349].

На эти гигиенические нормы «жилого воздуха» ссылается Аркадий, описывая свое жилье: «Полторы кубических сажени необходимого для человека на двенадцать часов воздуху, может быть, в этих

комнатках и было, но вряд ли больше» [Достоевский, 1972–1990, т. 13, с. 126].

Льюис в «Физиологии обыденной жизни» писал: «Каждый ребенок знает, что мы должны иметь воздух для дыхания; каждый знает, как неприятно дышать *несвежим* воздухом; но большая часть людей не подозревает, что несвежий воздух действует положительно, как яд» [Льюис, 1876, с. 255]³. Обобщая ряд исследований о продуцировании растениями обогащенного кислородом воздуха, Льюис замечает: «Если деревья таким образом удаляют вредно действующую углекислоту из испорченного воздуха наших городов, то разве не было бы желательно, даже необходимо, чтобы деревья сажали сколько возможно больше в наших городах». [Льюис, 1876, с. 288]. Это наблюдение развивается Ф.М. Достоевским в размышлениях Раскольникова возле «Юсупова сада» для обозначения на ольфакторном уровне социальных границ, находящихся вне общепринятых гигиенических норм: «Проходя мимо Юсупова сада, он даже очень было занялся мыслью об устройстве высоких фонтанов и о том, как бы они хорошо освежали воздух на всех площадях.

Мало-помалу он перешел к убеждению, что если бы распространить Летний сад на все Марсово поле и даже соединить с дворцовым Михайловским садом, то была бы прекрасная и полезнейшая для города вещь. Тут заинтересовало его вдруг: почему именно во всех больших городах человек не то что по одной необходимости, но как-то особенно склонен жить и селиться именно в таких частях города, где нет ни садов, ни фонтанов, где грязь и вонь, и всякая гадость» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 60].

Отступление от санитарно-гигиенических норм, «и, соответственно, порча воздуха переводились на повседневный язык понятием “скученность”, которое имело выраженную социальную окраску. С низшими классами ассоциировались телесные испарения, спертый, “надышанный” воздух (углекислый газ), запахи сырости, плесени и дешевого серого мыла» [Пироговская, 2015, с.148].

Именно в обстановке «надышанного», спертого воздуха конторы, насыщенного резкими раздражающими запахами, происходит фи-

³ Упоминание книги Льюиса в романе «Преступление и наказание» – не только отражение современных Ф.М. Достоевскому естественно-научных теорий в области медицины. Ряд наблюдений, приведенных в книге, используется им для физиологически достоверного описания физического и душевного состояния Раскольникова. Подробнее об этом см. [Деханова, 2016, с. 70-71]

зиологически достоверный обморок Раскольников: «тухлая краска, тридцать градусов Реомюра, спертый воздух, куча людей, рассказ об убийстве лица, у которого был накануне, и все это – на голодное брюхо!» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 207].

К запахам «скученности», несомненно, можно добавить кухонный чад, запах нечистот, табачный дым, а также способность сживаться с дурным воздухом, о которой писал Льюис: «Немцы сидят часами в низких комнатах, где атмосфера испорчена соединением дыхания людей, скверного табака, испарением органических веществ, подверженных гниению и железной печи. Даже в своих частных жилищах они дышат горячим, душным, сухим воздухом, что заставляет Англичанина с жадностью искать открытого окна. Правда, потом к нему привыкнешь, но ведь можно привыкнуть и к воздуху, отягченному табаком. Входя, считаешь невозможным пробыть более десяти минут, но через десять минут уже легче, а через полчаса вы не замечаете его испорченности» [Льюис, 1876, с. 272-273].

Об этом же говорит и Макар Девушкин: «стоит только минуты две побыть у нас, так и пройдет, и не почувствуешь, как все пройдет, потому что и сам как-то дурно пропахнешь, и платье пропахнет, и руки пропахнут, и все пропахнет, – ну, и привыкнешь <...> В кухне у нас на веревках всегда белье висит старое; а так как моя комната недалеко, то есть почти примыкает к кухне, то запах от белья меня беспокоит немного; но ничего: поживешь и попривыкнешь» [Достоевский, 1972–1990, т. 1, с. 22-23].

Миазматическая опасность городского воздуха таилась в самых различных источниках зловония: запах конского навоза, гниющих отходов скотобоен, запах того, что золотари вычерпывали из дворовых помойных ям, запах «известного рода ящиков» и прочей гадости.

Так, например, в научно-популярном журнале «Здоровье» за 1874 год писали: «Существующая на заднем дворе каждого дома помойная яма представляет собой отвратительнейшее явление. Сюда выбрасывают все ненужные органические остатки домашнего хозяйства, образующие громадную кучу, преющую и гниющую почти круглый год и испускающую из себя отвратительное зловоние» [Здоровье, 1874, с. 30-31]. А Кюстин отмечал, что «Повозки, назначенные для вывоза городских нечистот, малы и неудобны; с подобной машиной человек и лошадь мало что могут сделать за день» [Кюстин, 1996, с. 237].

В очерке «Петербургские углы» Н.А. Некрасов описывал один из таких дворов: «На дворе была еще ужасная грязь; в самых воротах стояла лужа, которая, вливаясь на двор, принимала в себя лужи, стоявшие у каждого подъезда, а потом уже с шумом и журчанием величественно впадала в помойную яму <...> Я решился сначала держаться как можно ближе стены, потому что окраины двора были значительно выше середины; но то была обманчивая и страшная высота, образовавшаяся от множества всякой дряни, выливаемой и выбрасываемой жильцами из окон; ступив туда, нога вязла по колено, и в то же время в нос кидался неприятный и резкий запах» [Некрасов, 1991, с. 93].

Через такой двор проходит Ордын в «Хозяйке»: «назавтра в восемь часов утра он подошел к дому со стороны переулка и вошел на узенький, грязный и нечистый задний дворик, нечто вроде помойной ямы в доме [Достоевский, 1972–1990, т. 1, с. 271]. На эту особенность петербургских дворов деликатно, насколько это позволительно в письме к барышне, намекает Макар Девушкин: «Да и что за ароматы такие, когда на нашем дворе под окнами и чему-чему не случается быть!» [Достоевский, 1972–1990, т. 1, с. 19]. Насушная проблема очистки выгребных ям неожиданным образом возникает в споре Лебезятникова с Лужиным о «будущем обществе»: «Да и что, скажите пожалуйста, что вы находите такого постыдного и презренного хоть бы в помойных ямах? Я первый, я, готов вычистить какие хотите помойные ямы! Тут даже нет никакого самопожертвования! Тут просто работа, благородная, полезная обществу деятельность» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 285].

Источником опасных миазмов был и Екатерининский канал, возле которого разворачиваются события романа «Преступление и наказание». В 50-х годах XIX века в газетах писали: «Екатерининский канал давно уже служит предметом, возбуждающим ропот местного населения столицы. Вся эта часть канала заражает воздух зловонием от застоя нечистот» [Столпянский, 1918, с. 285]. Запах «стоячей воды» – одна из ольфакторных составляющих страшного сна Раскольникова об убитой старухе [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 212]. Можно было бы еще упомянуть о запахе масляных фонарей, гнилых навоза⁴, качестве воды, но среди всех перечисленных запахов

⁴ К середине XIX века в Петербурге работало около 6–7 тысяч извозчиков. Не трудно подсчитать, сколько навоза ежедневно скапливалось на улицах города. Частично он скапливался, проживающими в Петербурге немцами для удобрения полей в пригороде. Продажа

города только два запаха имеют принципиально важное значение для сюжетного пространства романа – это пыльная духота открытого пространства и запах помоев на черных лестницах Петербурга. Эти сложные (по составу), но общепонимаемые запахи среды обитания сопровождают Раскольникова на всем протяжении романа. Именно эти запахи выполняют характерологические функции, участвуют в развитии сюжета, а переакцентуация их смыслового содержания делает возможной символическую трактовку.

Всепроникающий, удушающий запах пыли, а именно строительной пыли, запах известки – это запах невыносимой летней духоты Петербурга.

Известка входила (и входит) практически во все строительные смеси как для внутренних, так и для наружных работ. Ее повсеместное использование связано с природной антимикробной и противогрибковой активностью. Однако у людей, долго работающих со строительной известью, постепенно развивается атрофия дыхательных путей и хронический бронхит, очень часто переходящий в астму. Возможно эта личная обостренная непереносимость Ф.М. Достоевским запаха известковой пыли и обусловила ольфакторную доминанту открытого городского пространства.

Кюстин в своей нашумевшей в свое время книге «Россия в 1839 году»⁵ отмечал: «В городе, где дома изнутри подвержены нашествию полчищ паразитов, а снаружи каждую зиму ветшают, особенную

навоза составляла один из источников дохода дворников: «у колоды, где стоят извозчики, также все прибереги и снеси на двор; за назём этот колонисты платили, впрочем, охотно Григорию по рублю с воза: вишь, немцам этим все нужно» [Даль, 1991, с. 41].

«В 1847 г в Петербурге было городских фонарей всего 4726; из них 3732 горели конопляным маслом, 528 спиртовых и 466 газовых» [Столянский, 1918, с. 182]. Горели масляные фонари довольно тускло и разбрызгивали вонючую смесь на неосторожных прохожих, что дало повод Н.В. Гоголю в повести «Невский проспект» написать: «Далее, ради бога, далее от фонаря! и скорее, сколько можно скорее, проходите мимо. Это счастье еще, если отделаетесь тем, что он залетит щегольской сюртук ваш вонючим своим маслом» [Гоголь, 1937–1952, с. 46]. А дворники Григорий и Иван в очерке В.И. Даля «сидели в праздник рядком за воротами, упиваясь чадом смердячих плошек» [Даль, 1991, с. 47].

⁵ Подробнее об отклике Ф.М. Достоевского на эту книгу см. статью Е.И. Кийко «Белинский и Достоевский о книге Кюстина «Россия в 1839 году». «О том, что книга “Россия в 1839” на протяжении ряда лет была активным фактором общественной жизни России свидетельствуют также полемические отклики на некоторые высказанные в ней идеи в одном из фельетонов “Петербургской летописи” (СПб. Ведомости, 1847, № 121, 1 июня) Достоевского. Достоевский, так же как и Белинский, не называл имя Кюстина, однако не возникает сомнений в том, что автор “Петербургской летописи” имел в виду именно эти путевые заметки. “Не помним, когда-то случилось нам прочесть одну французскую книгу, – писал Достоевский, – которая вся состояла из взглядов на современное состояние России”» [Кийко, 1974, с. 196].

важность обретаем ремесло маляра. В России любое здание надо всякий год штукатурить заново, иначе оно скоро разрушится» [Кюстин, 1996, с. 238].

В чем причины этой ежегодной необходимости?

Из-за климатических и топографических особенностей Петербурга строительство частных домов занимало в XVIII веке не менее трех строительных сезонов: «разчетливый добрый хозяин, желая иметь хорошо выстроенный добротный дом, растягивал постройку на 4 года; в первый год устраивали фундамент и давали ему выстояться целую зиму, на следующее лето возводили стены, накрывали крыши, и постройка сохла до следующей, третьей весны, когда ее штукатурили, и, наконец, в следующий четвертый год делалось внутреннее устройство дома» [Столпянский, 1918, с. 253]

Однако обширное строительство в Петербурге с началом XIX века доходных домов не могло позволить себе эту роскошь. Дома возводились в течение года, а внешняя отделка не просушенной должным образом постройки требовала ее ежегодных реставраций.

Уже в «Петербургской летописи» Ф.М. Достоевский связывает основную характеристику летнего Петербурга с раздражающими свойствами строительной пыли: «... когда первая, изумрудная зелень выманивает мало-помалу петербургского жителя на дачу, до новых грязей, наш Петербург остается пустой, заваливается хламом и мусором, строится, чистится и как будто отдыхает, как будто перестает жить на малое время. Тонкая белая пыль стоит густым слоем в раскаленном воздухе. Толпы работников, с известкой, с лопатами, с молотками, топорами и другими орудиями, распоряжаются на Невском проспекте как у себя дома, словно откупили его, и беда пешеходу, фланеру или наблюдателю, если он не имеет серьезного желания походить на обсыпанного мукою Пьерро в римском карнавале» [Достоевский, 1972–1990, т. 18, с. 23]. «Наконец на Невском проспекте выздоравливающий глотает новую пыль! <...> Первая петербургская пыль после потопа грязи и чего-то очень мокрого в воздухе, конечно, не уступает в сладости древнему дыму отечественных очагов, и гуляющий, с лица которого спадает недоверчивость, решается наконец насладиться весною» [Достоевский, 1972–1990, т. 18, с. 11].

В Дневнике писателя за 1873 в главе «Маленькие картинки» – те же устойчивые образы городской духоты: «Лето, каникулы; пыль и жар, жар и пыль. Тяжело оставаться в городе. Все разъехались» [Достоевский, 1972–1990, т. 21, с. 105]. «Пыль и жар, удивительные

запахи, взрытая мостовая и перестраивающиеся дома» [Достоевский, 1972–1990, т. 21, с. 106]. «Пыль и жар. Говорят, для оставшихся в Петербурге открыто несколько садов и увеселительных заведений, где можно “подышать” свежим воздухом» [Достоевский, 1972–1990, т. 21, с. 108]. Безысходность детского существования в душных смрадных подвалах «с каким-нибудь квасным или капустным запахом» и страшным зловонием по ночам подчеркнута «мармеладовским» страданием, о том, что некуда идти, потому, что «на дворе – пыль, кирпич и известка» [Достоевский, 1972–1990, т. 21, с. 112].

В романе «Униженные и оскорбленные»: «День жаркий и удушливый; в городе невозможно оставаться: пыль, известь, перестройки, раскаленные камни, отравленный испарениями воздух...» [Достоевский, 1972–1990, т. 3, с. 422].

В романе «Преступление и наказание» удушающий горячий запах пыли возникает буквально с первых строк романа. Этот раздражающий фактор выступает важным и неизменным условием дальнейшего развития событий: «На улице жара стояла страшная, к тому же духота, толкотня, всюду известка, леса, кирпич, пыль и та особенная летняя вонь, столь известная каждому петербуржцу, не имеющему возможности нанять дачу, – все это разом неприятно потрясло и без того уже расстроенные нервы юноши» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с.6]. «Гм... жаль, что здесь воздуху нет, – прибавил он, – духота... Голова еще больше кружится... и ум тоже...» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 75].

Эта раздражающая атмосфера окружает его и во сне, и наяву. На пути в контору, в которой «духота была чрезвычайная»: «На улице опять жара стояла невыносимая; хоть бы капля дождя во все эти дни. Опять пыль, кирпич и известка, опять вонь из лавочек и распивочных» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с.74-75]. В страшном сне об убитой старухе: «Был уже поздний вечер. Сумерки сгущались, полная луна светлела всё ярче и ярче; но как-то особенно душно было в воздухе. <...> пахло известью, пылью, стоячею водой». [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 212].

Второй по силе запах, сопутствующий Раскольникову, и имеющий уже очевидную социальную окраску, – это запах черных лестниц.

Черная лестница – это особенное городское пространство. Городские власти надзирали за порядком на улицах, дворники отвечали за порядок во дворе, обитатели квартир поддерживали как могли порядок в доме, а черная лестница оставалась «ничейной землей».

Через почти всегда распахнутые двери кухни на черную лестницу ведрами выносили помои, всякий сор и хлам. Это было самое грязной и вонючее пространство дома.

Вот, например, описание черной лестницы в доходных домах, где сдаются дешевые петербургские «углы»: «Воздух в этих квартирах тяжелый, душливый. <...> доступ чистого воздуха возможен только через дверь, но и последняя зачастую выходит или в душную кухню, или в корридор, или на площадку лестницы, где устроены простые отхожие места» [Столпянский, 1918, с. 259-360].

По такой же вонючей черной лестнице взбирается Акакий Акакиевич в «Шинели» Н.В. Гоголя. По лестнице, «которая <...> была вся умащена водой, помоями и проникнута насквозь тем спиртуозным запахом, который ест глаза и, как известно, присутствует неотлучно на всех черных лестницах петербургских домов <...> Дверь была отворена, потому что хозяйка, готовя какую-то рыбу, напустила столько дыму в кухне, что нельзя было видеть даже и самых тараканов» [Гоголь, 1937–1952, с. 148].

Описание лестницы в очерке Д.В. Григоровича «Петербургские шарманщики»: «Маленький двухэтажный деревянный дом, выкрашенный всегдашнюю зеленогрязною краскою и возвышающийся в углу темного двора, служит им убежищем. Наружность такого рода строений облеплена обыкновенно галереей, на которую с трудом взбираешься по шаткой лестнице, украшенной по углам (у каждой двери) кадкою, на поверхности которой плавают яичные скорлупы, рыбий пузырь и несколько угольев; вообще лестницы эти, не считая уже спиртуозного запаха (общей принадлежности всех петербургских черных лестниц), показывают совершенное неуважение хозяев к тем, которым суждено спускаться и подниматься по ним». [Григорович, 1991, с. 56].

Черная лестница в доме Макара Девушкина: «винтовая, сырая, грязная, ступеньки поломаны, и стены такие жирные, что рука прилипает, когда на их опираешься. На каждой площадке стоят сундуки, стулья и шкафы поломанные, ветошки развешаны, окна повыбиты; лоханки стоят со всякою нечистью, с грязью, с сором, с ячною скорлупою да с рыбьими пузырями; запах дурной».⁶ Он

⁶ Обращает на себя внимание общность основного содержимого помойной лоханки в «Петербургских шарманщиках» Григоровича и «Бедных людях» Достоевского – яичная скорлупа и рыбий пузырь. Возможно, эта особенность имеет те же корни, что и «озвучивание» падающей монетки [Григорович, 1991, с. 255]. Однако Достоевский поступает далее с этим визуальным образом так же как и с запахами – использует его метафорические и символические возможности. Помимо устойчивого образа засыпанной скорлупами лест-

даже делает попытку максимально деликатно описать запах, проникающий в комнаты с лестницы: «не то чтобы оно пахло дурно, а так, если можно выразиться, немного гнилой остро-усласщенный запах какой-то» [Достоевский, 1972–1990, т. 1, с. 22].

Так же пахнет, засыпанная теми же непременно скорлупами, лестница, по которой выносили из подвального этажа гроб, в «Записках из подполья»: «Грязь такая была кругом... Скорлупа, сор... пахло... мерзко было» [Достоевский, 1972–1990, т. 5, с. 153].

Зловонный запах черных лестниц, запах умирающей органики, своего рода «тлетворный дух» человеческого бытия, преследует Раскольников так же, как и пыльная духота города.

Лестница, по которой Раскольников первый раз шел в контору «была узенькая, крутая и вся в помоях» [Достоевский, 1972 – 1990, т. 6, с. 75].

В бессвязных видениях Раскольникова после встречи с таинственным мещанином возникает череда визуальных, звуковых и обонятельных образов и среди них – «черная лестница, совсем темная, вся залитая помоями и засыпанная яичными скорлупами» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 210].

По этой же лестнице он идет в последний раз в контору: «Опять тот же сор, те же скорлупы на винтообразной лестнице, опять двери квартир открыты настежь, опять те же кухни, из которых несет чад и вонь» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 406]⁷.

ницы, ведущей «на эшафот», следует упомянуть: «Странная мысль наклеивалась в его голове, как из яйца цыпленок, и очень, очень занимала его» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 53]; «Заведется у вас страданьце – вы с ним как курица с яйцом носитесь!» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 130]; «...уйдет от меня в свою скорлупу...» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 261].

⁷ Запах кухонного чада был болезненно неприятен Достоевскому. По воспоминаниям Анны Григорьевны: «Федя нынче удивительно как охает постоянно, то ему холодно, то ему кажется какой-то запах в кухне, <...> когда мы собрались уходить, он зашел в кухню и там бранил старух за запах» [Достоевская, 1993, с. 361]. В романе «Подросток» он наделяет этой ольфакторной неприязнью Версилова и Аркадия: «В гостиную входили из коридора, который оканчивался входом в кухню, где жила кухарка Лукерья, и когда стряпала, то чадила пригорелым маслом на всю квартиру немилосердно. Бывали минуты, когда Версилов громко проклинал свою жизнь и участь из-за этого кухонного чада, и в этом одном я ему вполне сочувствовал; я тоже ненавижу эти запахи» [Достоевский, 1972–1990, т. 13, с. 82], в романе «Бедные люди» Макар Девушкин кротко сетует на этот удушающий запах: «Кухня у нас большая, обширная, светлая. Правда, по утрам чадно немного, когда рыбу или говядину жарят, да и нальют и намочат везде, зато уж вечером рай [Достоевский, 1972–1990, т. 1, с. 23], а Федор Павлович Карамазов радикально пресекает это неудобство: «Флигель этот стоял на дворе, был обширен и прочен; в нем же определил Федор Павлович быть и кухне, хотя кухня была и в доме; не любил он кухонного запаха и кушанье приносили через двор зимой и летом» [Достоевский, 1972–1990, т. 14, с. 85].

Отсутствие вентиляции в каменных домах заставляло ее обитателей держать двери на лестницу открытыми. Это мало помогало, а запах помоев и чада проникал в жилые комнаты. К такой неудачной попытке проветривания прибегают, например, в доме, где располагалась «контора»: «Все кухни всех квартир во всех четырех этажах отворялись на эту лестницу и стояли так почти каждый день. Оттого была страшная духота» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 75]. В жилище Мармеладовых, где задыхается от чахотки Катерина Ивановна, «было душно, но окна она не отворила; с лестницы несло вонью, но дверь на лестницу была не затворена; из внутренних помещений, сквозь непритворенную дверь, неслись волны табачного дыма, она кашляла, но дверь не притворяла» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 22]. «Дверь на лестницу была отворена, чтобы хоть сколько-нибудь защититься от волн табачного дыма, врывающихся из других комнат и поминутно заставлявших долго и мучительно кашлять бедную чахоточную» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 138].

Невозможная духота – это ощущение, объединяющее открытое и замкнутое пространства города. Ни на пыльных улицах, ни в затхлых комнатах нечем дышать. «... пусть пройдет, воздухом хоть подышит... ужас у него душно... а где тут воздухом-то дышать? Здесь и на улицах, как в комнатах без форточек. Господи, что за город!» – восклицает Пульхерия Александровна [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 185].

Об этом чувстве, буквально пронизывающем роман «Преступление и наказание», упоминает Риндисбахер в своей монографии о запахах в художественной литературе: «Жара, вонь и духота, как колонны, поддерживают общую обонятельную арку романа. Эти колонны, расположенные на одинаковом расстоянии, ни на минуту не дают читателям возможности избавиться от ощущения этой неприятной атмосферы» [Rindisbacher, 1992, p.128]⁸. И действительно, вся атмосфера романа создает у читателей, воспитанных на ольфакторных нормах своего времени, непреодолимое желание глотка свежего воздуха. Они в полной мере ощущают гнетущую атмосферу событий, физическое удушье ужаса Лизаветы за миг до удара топором, когда она «стала отодвигаться от него в угол, пристально, в упор, смотря на него, но всё не крича, точно ей воздуху не доставало, чтобы крикнуть» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 65].

⁸ Перевод мой – О.Д

И, действительно, расстроенные нервы Раскольникова не выдерживают пыльной и зловонной духоты окружающего его города, с ним случается почти обморок, и Порфирий Петрович бросается к окну со словами: «Воздуха пропустить свежего!» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 264]. Учитывая обстоятельства, потребность свежего воздуха в этом эпизоде все еще можно было бы отнести к общепринятым медицинским рекомендациям. Но далее фраза эта как эхо повторяется в замкнутом всего лишь 15-ю страницами романа пространстве: от Свидригайлова к Раскольникову: «Эх, Родион Романыч, – прибавил он вдруг, – всем человекам надобно воздуху, воздуху-с... Прежде всего!» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 336], от Раскольникова к Разумихину: «Вчера мне один человек сказал, что надо воздуху человеку, воздуху, воздуху!» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 339], от Разумихина возвращается к Раскольникову: «ты сам хочешь видеться с человеком, который говорит, что воздуху надо больше, воздуху» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 340], и, наконец, возвращается к исходной точке «Порфирий Петрович – Раскольников», все более дистанцируясь от медицинских рекомендаций и наполняясь символическим значением: «Вам теперь только воздуху надо, воздуху, воздуху!» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 351].

Происходит это из-за смещения смыслового акцента в значении слова «духота», «дух», «воздух». Речь идет уже не о запахах, а о душе.

Спусковой механизм этой метаморфозы заключается в состоявшемся ранее на квартире Порфирия Петровича разговоре о теории преступлений. Разумихин вспоминает недавний спор: «Началось с воззрения социалистов. Известно воззрение: преступление есть протест против ненормальности социального устройства – и только, и ничего больше, и никаких причин больше не допускается, – и ничего!.. <...> Оттого так и не любят *живого* процесса жизни: не надо *живой души!* Живая душа жизни потребует, живая душа не послушается механики, живая душа подозрительна, живая душа ретроградна! А тут хоть и мертвечинкой припахивает, из каучука сделать можно, – зато не живая, зато без воли, зато рабская, не взбунтуется!» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 196-197].

Смысл потребности воздуха для живой жизни *живой души* развивается в последнем разговоре Раскольникова и Порфирия Петровича: «Вам, во-первых, давно уже воздух переменить надо. Что ж, страданье тоже дело хорошее. Пострадайте» [Достоевский, 1972--1990, т. 6, с. 351].

Интересно, что «воздух» в значении запах, выступает в этом разговоре как маркер «своего» и «чужого»: «Да и чего вам в бегах? В бегах гадко и трудно, вам прежде всего надо жизни и положения определенного, воздуху соответственного; ну, а ваш ли там воздух? Убежите и сами воротитесь» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 352].

Мысль о страдании как о необходимом для живой души воздухе связана с возможностью распахнуть окно.

Когда с Раскольниковым случился припадок, Порфирий Петрович «побежал отворить окно», но действие осталось незавершенным. Окно для Раскольникова отворяется в арестантской палате, чтобы впустить теплый весенний воздух и увидеть за ним Соню: «Шла уже вторая неделя после Святой; стояли теплые, ясные, весенние дни; в арестантской палате отворили окна <...>; проснувшись, он нечаянно подошел к окну и вдруг увидел вдаль, у госпитальных ворот, Соню. Она стояла и как бы чего-то ждала» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 420].

Для Свидригайлова окно распахивается в его последнем пристанище, в душной комнате с запахом мышей: «Ветер хлынул неистово в его тесную каморку и как бы морозным инеем облепил ему лицо и прикрытую одною рубашкой грудь», но за этим окном «было темно, как в погребке» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 391-392].

Таким образом, запахи повседневности, вписанные в культурно-исторический контекст, во всем их смысловом многообразии, составляют неотъемлемую часть художественного языка Ф.М. Достоевского. Запах города, представленный на примере романа «Преступление и наказание», – показывает лишь малую часть смысловых возможностей ольфакторных включений в художественных текстах. Анализируя запахи в русской литературе XIX века, российские и зарубежные исследователи, обращаются, как правило, к двум романам Ф.М. Достоевского – «Преступление и наказание» и «Братья Карамазовы». В то время как темы запахов открытого пространства (город, природа), замкнутого пространства (жилые помещения, трактиры), запахи телесности, смрад греха, значение запаха в создании образа своей и чужих наций и прочие – это сквозные темы для всего творчества Ф.М. Достоевского. И это огромная перспектива для всестороннего исследования и систематизации.

Список литературы

1. Ахьямова, 2011 – *Ахьямова И.А.* Социальное и личное в ольфакторной культуре // Вестник социально-гуманитарного образования и науки. Екатеринбург, 2011. №2. С. 4-10.
2. Богданов, 2010 – *Богданов К.* «Тлетворный дух» в русской литературе XIX века: (анти)эстетика как мораль // Ароматы и запахи в культуре, книга 2. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 101-133.
3. Гоголь, 1937-1952 – *Гоголь Н.В.* Полн. собр. соч.: в 14 томах. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1937-1952.
4. Григорович, 2014 – *Григорович Д.В.* Свистулькин. М.: Проспект, 2014. 108 с.
5. Григорович, 1991 – *Григорович Д.В.* Петербургские шарманщики // Физиология Петербурга. М.: Наука, 1991. С. 51-70.
6. Гулимова, 2010 – *Гулимова В.* «Пять носов» человека и 2500-летняя история их изучения // Ароматы и запахи в культуре, книга 1. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 134-137.
7. Даль, 1955 – *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955. т. 1.
8. Даль, 1991 – *Даль В.И.* (В. Луганский) Петербургские дворники // Физиология Петербурга. М.: Наука, 1991. С. 38-50.
9. Детьен, 2010 – *Детьен М.* Священная история и пифагорейская кухня // Ароматы и запахи в культуре, книга 1. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 230-274.
10. Деханова, 2016 – *Деханова О.А.* Раскольников: немного чая в холодной воде или опыты практической физиологии // Достоевский и современность. Материалы XXX Международных Старорусских чтений 2015 года. Великий Новгород, 2016. С. 64-72.
11. Достоевская, 1993 – *Достоевская А.Г.* Дневник 1867 года, М.: Наука, 1993. 452 с.
12. Достоевский, 1972–1990 – *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 30 тт. Л.: Наука, 1972–1990.
13. Жирицкая, 2010 – *Жирицкая Е.* Легкое дыхание: запах как культурная репрессия в российском обществе 1917-1930-х годов // Ароматы и запахи в культуре, книга 2, М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 167-269.
14. Захарьин, 2010 – *Захарьин Д.* Ольфакторная коммуникация в контексте русской истории // Ароматы и запахи в культуре, книга 2. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 280-308.
15. Здоровье, 1874 – *В. Ф.* Петербургские задворки // Здоровье. 1874. Санкт-Петербург, т. 1. No 2. с. 30-31
16. Зыховская, 2016 – *Зыховская Н.Л.* Ольфакторий русской прозы XIX века. Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук, Екатеринбург, 2016.
17. Кабакова, 2010 – *Кабакова Г.* Запахи в русской традиционной культуре // Ароматы и запахи в культуре, книга 2. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 50-61.
18. Кийко, 1974 – *Кийко Е.И.* Белинский и Достоевский о книге Кюстина «Россия в 1839 году» // Достоевский. Материалы и исследования. Л.: Наука, 1974. т.1, С. 189-200.
19. Кюстин, 1996 – *Кюстин А. де.* Россия в 1839 году. М.: Изд. им. Сабашниковых, 1996. т. 1. 378 с.
20. Левинсон, 2010а – *Левинсон А.Г.* Пять писем о запахе // Ароматы и запахи в культуре, книга 1. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 55-88.

21. Левинсон, 2010б – *Левинсон А.Г.* Повсюду чем-то пахнет // Ароматы и запахи в культуре, книга 2, М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 7-39.
22. Льюис, 1876 – *Льюис Г.Г.* Физиология обыденной жизни. 2-е изд. М.: тип. С. Орлова, 1876. 255 с.
23. Некрасов, 1991 – *Некрасов Н.А.* Петербургские углы // Физиология Петербурга. М.: Наука, 1991. С. 93-111.
24. Неминущий, 2006 – *Неминущий А.Н.* «Воздуху пропустить свежего!» («Пятикнижие» Достоевского sub specie ольфакции) // Достоевский и современность. Материалы XX Международных Старорусских чтений 2005 года. Великий Новгород, 2006. С. 227-229.
25. Одоевский, 2007 – *Одоевский В.Ф.* Кухня: Лекции господина Пуфа, доктора энциклопедии и других наук о кухонном искусстве СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2007. 728 с.
26. Пироговская, 2013 – *Пироговская М.М.* От materia medica до хозяйственных книг: органолептический анализ и становление русского ольфакторного словаря // Новое литературное обозрение, 2013. № 123, С. 144-164.
27. Пироговская, 2015 – *Пироговская М.М.* Запахи как миазмы, симптомы и улики: к проблеме сциентизации быта в России второй половины XIX века // Новое литературное обозрение, 2015. № 135. С. 140-169
28. Пироговская, 2016 – *Пироговская М.М.* «Ольфакторный код и воспитание чувствительности в русской городской культуре 1860-1910-х годов», диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Санкт-Петербург, 2016.
29. Столянский, 1918 – *Столянский П.Н.* Петербург. Как возник, основался и рос Санкт-Петербург. Санкт-Петербург, 1918. 404 с.
30. Строев, 2010 – *Строев А.* Чем пахнет чужая земля // Ароматы и запахи в культуре, книга 2. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 75-100.
31. Чудаков, 1992 – *Чудаков А.П.* Слово-вещь-мир: От Пушкина до Толстого. М.: Современный писатель, 1992. 320 с.
32. Classen, Howes, Synnott, 1994 – *Classen C., Howes D., Synnott A.* Aroma: The Cultural History of Smell. London, New York: Routledge, 1994. 248 p.
33. Corbin, 1982 – *Corbin A.* Le miasme et la jonquille: L'odorat et l'imaginaire social XVIII-XIX siècles. P.: Aubier Montaigne, 1982. 334 p.
34. Rindisbacher, 1992 – *Rindisbacher H.J.* The Smell of Books: A Cultural-Historical Study of Olfactory Perception in Literature. Ann Arbor (Mich.):University of Michigan Press, 1992, 371 p.
35. Scheidegger, 1993 – *Scheidegger G.* Perverses Abendland - barbarisches Russland. Begegnungen des 16. und 17. Jahrhunderts im Schatten kultureller Missverständnisse. Zürich: Chronos, 1993. 327 p.

References

1. Ah'jamova I.A. Social'noe i lichnoe v ol'faktornoj kul'ture [Social and Personal in Olfactory Culture]. *Vestnik social'no-gumanitarnogo obrazovaniya i nauki* [Bulletin of Social and Humanitarian Education and Science]. Ekaterinburg, 2011. No.2, pp. 4-10 (in Russ.)
2. Bogdanov K. "Tletvornyj duh" v russkoj literature XIX veka: (anti)jestetika kak moral' ["Pernicious Spirit" in the Russian Literature of the XIX Century: (Anti)Aesthetics as Morality]. *Aromaty i zapahi v kul'ture, kniga 2* [Aromas and Odors in Culture, Book 2], Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2010. Pp. 101-133 (in Russ.)

3. Gogol' N.V. *Poln. sobr. soch.: v 14 tt.* [Complete Works: in 14 vols.] Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR Publ., 1937-1952 (in Russ.)
4. Grigorovich D.V. *Svistul'kin* [Svistul'kin]. Moscow, Prospekt Publ., 2014. 108 p. (in Russ.)
5. Grigorovich D.V. Peterburgskie sharmanshhiki [St. Petersburg Organ Grinders]. *Fiziologija Peterburga* [The Physiology of St. Petersburg]. Moscow, "Nauka" Publ., 1991. Pp. 51-70. (in Russ.)
6. Gulimova V. "Pjat' nosov" cheloveka i 2500-letnjaja istorija ih izuchenija [The "five noses" of Man and the 2,500-year History of Their Study]. *Aromaty i zapahi v kul'ture, kniga 1* [Aromas and Odors in Culture, Book 1], Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2010. Pp. 134-137 (in Russ.)
7. Dal' V.I. *Tolkovnyj slovar' zhivogo velikoruskogo jazyka* [Explanatory Dictionary of the Great Russian Living Language]. Moscow, 1955. Vol. 1 (in Russ.)
8. Dal' V.I. (V. Luganskij) Peterburgskie dvorniki [Petersburg Street Sweepers]. *Fiziologija Peterburga* [The Physiology of St. Petersburg]. Moscow, Nauka Publ., 1991. Pp. 38-50. (in Russ.)
9. Det'en M. Svjashennaja istorija i pifagorejskaja kuhinja [Sacred History and the Pythagorean Cuisine]. *Aromaty i zapahi v kul'ture, kniga 1* [Aromas and Odors in Culture, Book 1], Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2010. Pp. 230-274 (in Russ.)
10. Dekhanova O.A. Raskol'nikov: nemnogo chaja v holodnoj vode ili opyty prakticheskoj fiziologii [Raskolnikov: Some Tea in Cold Water or Experiments in Practical Physiology]. *Dostoevskij i sovremennost'. Materialy XXX Mezhdunarodnyh Starorusskikh chtenij 2015 goda* [Dostoevsky and the Modern age. Materials from the XXX International Readings in Staraya Russa 2015]. Velikij Novgorod, 2016. Pp. 64-72 (in Russ.)
11. Dostoevskaia A.G. *Dnevnik 1867 goda* [Diary, 1867], Moscow, Nauka Publ., 1993, 452 p. (in Russ.)
12. Dostoevskij F.M. *Poln. sobr. soch.: v 30 tt.* [Complete Works: in 30 vols.] Leningrad, Nauka Publ., 1972-1990. (in Russ.)
13. Zhirickaja E. Legkoe dyhanie: zapah kak kul'turnaja repressija v rossijskom obshhestve 1917-1930-h godov [Light Breathing: Smell as a form of Cultural Repression in the Russian Society of the 1917-1930s]. *Aromaty i zapahi v kul'ture, kniga 2* [Aromas and Odors in Culture, Book 2], Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2010. Pp. 167-269. (in Russ.)
14. Zahar'in D. Ol'faktornaja kommunikacija v kontekste rusскоj istorii [Olfactory Communication in the Context of Russian History]. *Aromaty i zapahi v kul'ture, kniga 2* [Aromas and Odors in Culture, Book 2], Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2010. Pp. 280-308. (in Russ.)
15. V. F. Peterburgskie zadvorki [St. Petersburg Backyards]. *Zdorov'e*. [The Health], 1874. Saint Petersburg, vol. 1, No. 2. Pp. 30-31. (in Russ.)
16. Zyhovskaja N.L. *Ol'faktorij rusскоj prozy XIX veka. Dissertacija na soiskanie uchenoj stepeni doktora filologicheskikh nauk* [Olfactory of Russian Prose of the XIX Century. Dissertation for the Degree of Doctor of Philology], Ekaterinburg, 2016. (in Russ.)
17. Kabakova G. Zapahi v rusскоj tradicijnoj kul'ture [The Smells in the Russian Traditional Culture]. *Aromaty i zapahi v kul'ture, kniga 2* [Aromas and Odors in Culture, Book 2], Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2010. Pp. 50-61. (in Russ.)
18. Kijko E.I. Belinskij i Dostoevskij o knige Kjustina "Rossija v 1839 godu" [Belinsky and Dostoevsky about Custine's book "Russia in 1839"] *Dostoevskij. Materialy i issledovanija* [Dostoevsky. Materials and studies]. Leningrad, Nauka Publ., 1974. Vol.1, pp. 189-200. (in Russ.)
19. Custine A. de. *Rossija v 1839 godu* [Russia in 1839]. Moscow, Izd. im. Sabashnikovyh Publ., 1996. Vol. 1, 378 p. (in Russ.)

20. Levinson A.G. Pjat' pisem o zapahe [Five letters about the smell]. *Aromaty i zapahi v kul'ture, kniga 1* [Aromas and Odors in Culture, Book 1], Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2010. pp. 55-88. (in Russ.)
21. Levinson A.G. Povsjudu chem-to pahnet [There's a Smell Everywhere]. *Aromaty i zapahi v kul'ture, kniga 2* [Aromas and Odors in Culture, Book 2], Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2010. pp. 7-39. (in Russ.)
22. Lewis G.G. *Fiziologija obydennoj zhizni* [Physiology of Everyday Life], Moscow, tip. S. Orlova, 1876. 255 p. (in Russ.)
23. Nekrasov N.A. Peterburgskie ugly [Petersburg Corners] *Fiziologija Peterburga* [The Physiology of St. Petersburg]. Moscow, Nauka, 1991. Pp. 93-111. (in Russ.)
24. Neminushii A.N. "Vozduhu propustit' svezhego!" ("Pjatiknizhie" Dostoevskogo sub specie ol'fakcii) ["Let the air get fresh!" (Dostoevsky's "Pentateuch" sub specie of olfaction)]. *Dostoevskij i sovremennost'. Materialy XX Mezhdunarodnyh Starorusskikh chtenij 2005 goda* [Dostoevsky and the Modern age. Materials from the XX International Readings in Staraya Russa 2005]. Velikij Novgorod, 2006. Pp. 227-229. (in Russ.)
25. Odoevski V.F. *Kuhnja: Lekcii gospodina Pufo, doktora jenciklopedii i drugih nauk o kuhonnom iskusstve* [Kitchen: Lectures by Mr. Poof, Doctor of Encyclopedia and Other Sciences on Kitchen Art] Saint-Petersburg, Izd-vo Ivana Limbaha Publ., 2007. 728 p. (in Russ.)
26. Pirogovskaja M.M. Ot materia medica do hozjajstvennyh knig: organolepticheskij analiz i stanovlenie russkogo ol'faktornogo slovarja [From *materia medica* to Household Books: Organoleptic Analysis and the Formation of the Russian Olfactory Dictionary] *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Review] 2013. No. 123, pp. 144-164. (in Russ.)
27. Pirogovskaja M.M. Zapahi kak miazmy, simptomy i uliki: k probleme scientizacii byta v Rossii vtoroj poloviny XIX veka [Odors as Miasma, Symptoms and Evidence: on the Problem of the Scientization of Everyday Life in Russia in the Second Half of the XIX Century] *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Review] 2015. No. 135, pp. 140-169. (in Russ.)
28. Pirogovskaja M.M. *Ol'faktornyj kod i vospitanie chuvstvitel'nosti v russkoj gorodskoj kul'ture 1860-1910-h godov*, dissertacija na soiskanie uchenoj stepeni kandidata istoricheskikh nauk [Olfactory Code and Sensitivity Education in Russian Urban Culture of the 1860-1910s. Dissertation for the Degree of Candidate of Historical Sciences], Saint Petersburg, 2016. (in Russ.)
29. Stolpanskij P.N. *Peterburg. Kak voznik, osnovalsja i ros Sankt-Peterburg* [Petersburg. How Saint Petersburg was Founded and Grew] Saint Petersburg, 1918. 404 p. (in Russ.)
30. Stroev A. Chem pahnet chuzhaja zemlja [What does Someone else's Land Smell Like]. *Aromaty i zapahi v kul'ture, kniga 2* [Aromas and Odors in Culture, Book 2], Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2010. Pp. 75-100. (in Russ.)
31. Chudakov A.P. *Slovo-veshh'-mir: ot Pushkina do Tolstogo* [Word-thing-world: from Pushkin to Tolstoy] Moscow, Sovremennyi Pisatel' Publ., 1992. 320 p. (in Russ.)
32. Classen C., Howes D., Synnott A. *Aroma: The Cultural History of Smell*. London, New York, Routledge, 1994. 248 p. (in Eng.)
33. Corbin A. *Le miasme et la jonquille: L'odorat et l'imaginaire social XVIII-XIX siècles*. Paris, Aubier Montaigne, 1982. 334 p. (in French)
34. Rindisbacher H.J. *The Smell of Books: A Cultural-Historical Study of Olfactory Perception in Literature*. Ann Arbor (Mich.), University of Michigan Press, 1992, 371 p. (in Eng.)
35. Scheidegger G. *Perverses Abendland - barbarisches Russland. Begegnungen des 16. und 17. Jahrhunderts im Schatten kultureller Missverständnisse*. Zürich, Chronos, 1993. 327 p. (in German)